

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

УДК 35.078.18

DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-4-518-524

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФОРМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

КАПЛУНОВ Андрей Иванович*

✉ and-kaplunov@yandex.ru

Ул. Летчика Пилутова, 1, Санкт-Петербург, 198206,
Россия

Аннотация. Государственное принуждение – важное и необходимое средство обеспечения правопорядка. Но вместе с тем оно является проблемной сферой отношений власти и общества. Значит, перед законодателем стоит задача нормативного регулирования этой сферы отношений. Особенно это становится актуальным при подготовке принципиально нового нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения по защите (в том числе и принудительной) личности, общества и государства от правонарушений, относящихся к категории административных.

В статье исследуется правовая природа административного принуждения, реализуемого в сфере государственного управления. Критическому анализу подвергнуты отдельные принудительные меры, закрепленные законодательством об административных правонарушениях, а именно меры процессуального обеспечения и меры административного наказания. Формулируется вывод о необходимости минимизации компетенции судей по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Обосновывается недопустимость административной ответственности юридических лиц. Аргументируется целесообразность гармонизации судебного и административного порядка применения административных наказаний на основе следственного типа юрисдикционного правоприменительного процесса.

Ключевые слова: административное принуждение, административная ответственность, административное наказание, административное приостановление деятельности, «следственный» и «состязательный» типы юрисдикционного правоприменительного процесса.

Administrative Responsibility as a Form of Administrative Coercion

Kaplunov Andrei I.**

✉ and-kaplunov@yandex.ru

1 Pilot Pilyutov st., Saint Petersburg, 198206, Russia

Abstract. State coercion is an important and necessary means of maintaining law and order. But at the same time, it is a problematic sphere of relations between the authorities and society. So, the legislator is faced with the task of normative regulation of this sphere of relations. This becomes especially relevant in the preparation of a fundamentally new normative legal act regulating public relations for the protection (including compulsory) of an individual, society and the state from offenses that belong to the category of administrative.

* Профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

** Professor of the Department of Administrative Law at the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

The article examines the legal nature of administrative coercion, implemented in the field of public administration. Critical analysis has been made of certain coercive measures enshrined in the legislation on administrative offenses, namely, measures of procedural support and measures of administrative punishment. The conclusion is formulated on the need to minimize the competence of judges in considering cases of administrative offenses. The inadmissibility of administrative liability of legal entities is substantiated. The article argues the feasibility of harmonizing the judicial and administrative order of applying administrative penalties based on the investigative type of jurisdictional law-enforcement process.

Keywords: administrative coercion, administrative responsibility, administrative punishment, administrative suspension of activity, "investigative" and "adversarial" types of jurisdictional law enforcement process.

В рамках дискуссии о Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и работы экспертного сообщества по разработке ее проекта важно обратиться к уяснению сути и природы административной ответственности как вида юридической ответственности. Для этого необходимо посмотреть на административную ответственность через призму административного принуждения как метода государственного управления и его форм.

1. В качестве теоретической основы для последующих рассуждений возьмем следующие положения теории административного принуждения. «Принуждение как метод воздействия состоит в применении уполномоченными должностными лицами установленных законом мер принуждения для преодоления правовой аномалии и позволяет посредством правовых ограничений, лишений, обременений или ответных силовых действий заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законом запреты» [1, с. 181]. Государственное принуждение является реакцией на противоправное поведение и применяется в рамках правоохранительной (юрисдикционной) деятельности уполномоченными должностными лицами государственных органов для обеспечения законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

С точки зрения целевого назначения и способа охраны правопорядка государственное принуждение представлено такими правовыми формами, как «предупреждение, пресечение, праввосстановление, юридическая ответственность (наказание), процессуальное обеспечение» [3, с. 7].

Под правовой формой государственного принуждения понимается «специфически обособленная группа принудительных мер, объединен-

ных общностью целей, оснований, правовых последствий и процедуры их применения, т. е. тех элементов, которые обуславливают и характеризуют конкретный способ принудительно-го воздействия при обеспечении правопорядка и общественной безопасности» [3, с. 7].

Специфика административного принуждения как метода государственного управления состоит в том, что оно представлено принудительными мерами воздействия, установленными нормами административного и административно-процессуального права, применение которых преимущественно возложено на административную (исполнительную) власть, а именно на должностных лиц контрольно-надзорных органов, и осуществляется в административном порядке.

Если административное принуждение – это метод, то административная ответственность – это способ охраны правопорядка, применяемый в рамках этого метода в государственном управлении.

Соответственно, административная ответственность как форма административного принуждения и способ охраны правопорядка является оперативной реакцией государства в лице контрольно-надзорных органов на административные правонарушения путем назначения административных наказаний в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, в целях предупреждения совершения ими новых административных правонарушений. Применение мер административной ответственности, как и иных мер административного принуждения, изначально возлагалось преимущественно на должностных лиц контрольно-надзорных органов в административном порядке, и только назначение наиболее жестких административных наказаний, включающих серьезные лишения и ограничения прав и свобод граждан, было в виде исключения отнесено к компетенции судей.

После принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации, ряд положений ее Главы 2 ограничили возможность реализации административной ответственности как формы административного принуждения в административном порядке.

Речь идет о положениях, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом...»), в ч. 3 ст. 35 («Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда»). Весь этот правозащитный арсенал был использован для защиты прав и свобод лиц, совершивших административные правонарушения. Подход, изложенный в ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации, при активной пропагандистской работе «правозащитников» либерального толка без достаточных на то законных оснований был распространен не только на административные наказания, предусматривающие лишения имущественного характера, но и на административные наказания, представляющие собой иные способы принудительного воздействия (лишения, ограничения и обременения).

Эти положения послужили основанием для трансформации института административной ответственности и повлекли расширение административно-юрисдикционных полномочий судей по применению мер административной ответственности. В результате чего назначение восьми видов административных наказаний в настоящее время отнесено к исключительной компетенции судей.

Неопределенность содержания нового, закрепленного в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, «административного» вида судопроизводства, послужила поводом для включения в его рамки рассмотрения дел «об административных правонарушениях, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда» (п. 3 ч. 1 ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ)), а затем прикрепления отдельными представителями научного сообщества к административно-юрисдикционной деятельности контрольно-надзорных органов, входящих в систему

исполнительной власти, ярлыка «квазисудебная» [10, с. 79].

Следует отметить, что до вступления в действие Конституции Российской Федерации 1993 г. участие судей в производстве по делам об административных правонарушениях на стадии рассмотрения дела и принятия по ним решений (т. е. их административно-юрисдикционная деятельность) в учебной литературе по правоохранительным органам не рассматривалось в качестве формы правосудия.

В результате контрольно-надзорным органам в административном порядке предоставлено право назначать только 2 вида административных наказаний (предупреждение и административный штраф). Административно-юрисдикционная деятельность должностных лиц органов исполнительной власти по назначению административных наказаний, которая, по сути, является «административным применением», а не «квазисудебной», сведена к минимуму. С точки зрения применения реальных лишений должностным лицам органов исполнительной власти предоставлено право назначать только административный штраф.

При этом вопрос о конституционности применения штрафа контрольно-надзорными органами системы исполнительной власти, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ по этому вопросу¹, в научном плане до сих пор остается нерешенным. Это связано с тем, что согласно ст. 17 «права и свободы человека и гражданина являются **непосредственно действующими** (выделено мной. – К. А.)».

Под непосредственным действием прав и свобод человека и гражданина, в случае привлечения лица к административной ответственности следует понимать *распространение ограничения, предусмотренного частью 3 статьи 35 Конституции РФ, на общественные отношения, связанные с назначением административного наказания, и учет этого правоограничения властным субъектом при принятии решения о применении конкретного лишения имущественного характера, предусмотренного санкцией правовой нормы, устанавливающей меру административной ответственности.*

¹ По запросу Кировского районного суда города Ростова-на-Дону о проверке конституционности статьи 210 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и Указа Президента Российской Федерации от 20 июля 1994 г. № 1504 «Об утверждении Положения о Федеральной инспекции труда при Министерстве труда Российской Федерации (Роструд-инспекция)»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 апр. 2000 г. № 53-О. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

В связи с этим при сложившемся векторе изменений в законодательстве Российской Федерации перспективы дальнейшего совершенствования административной ответственности как формы административного принуждения выглядят достаточно призрачными.

2. Учитывая природу административной ответственности, на мой взгляд, необходимо минимизировать компетенцию судей по рассмотрению дел об административных правонарушениях, поскольку сама идея установления административной ответственности была основана на применении административных санкций именно в административном порядке, что в свое время нашло отражение в названии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке».

В связи с этим целесообразно полномочия по наложению отдельных видов административных наказаний, отнесенных к компетенции судей, передать (а точнее, вернуть обратно) должностным лицам контрольно-надзорных органов. Речь идет о передаче права контрольно-надзорным органам налагать следующие административные наказания:

«5) лишение специального права, предоставленного физическому лицу»;

«7) административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства»;

«8) дисквалификация»;

«11) административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения».

Для административной ответственности, которая изначально была задумана как ответственность, реализуемая «в административном порядке», назначение административных наказаний судьями должно быть исключением, а не правилом.

3. Такую меру административного принуждения, как административное приостановление деятельности следует исключить из числа административных наказаний. По содержанию правоограничения *административное приостановление деятельности*, как и *временный запрет деятельности*, – это временное прекращение деятельности (различия только в продолжительности срока применения этого правоограничения). Мера, отнесенная к процессуальному обеспечению, применяется на срок до пяти дней,

отнесенная к наказаниям – на срок до девяноста суток.

Анализ содержания и целей административного приостановления деятельности как меры административного принуждения позволяют сделать вывод, что в институт административной ответственности посредством двух идентичных по способу принудительного воздействия мер (меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях – *временного запрета деятельности* и административного наказания в виде *административного приостановления деятельности*), по сути, «вмонтирована» в одном случае мера *административного предупреждения*, в другом случае мера *административного пресечения* [5, с. 24].

Кроме того, согласно ст. 21 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 15 апреля 2019 г.) действие лицензии может быть приостановлено путем назначения лицензиату административного наказания в виде административного приостановления деятельности за грубое нарушение лицензионных требований (п. 2 ч. 1 ст. 20). В рамках такого порядка приостановления действия лицензии и возможного последующего ее аннулирования, как справедливо отмечает А. А. Резникова, «посредством административного приостановления деятельности административная ответственность как форма административного принуждения “вмонтирована”, в свою очередь, в предупреждение как самостоятельную форму административного принуждения» [7, с. 20]. Следует согласиться, что «статуйирование административного приостановления деятельности в качестве административного наказания... противоречит сложившимся в административном праве представлениям о видах административного принуждения и используемых в рамках каждого вида мерах воздействия» [7, с. 19–20].

Решение о применении такого правоограничения, как временное прекращение деятельности должно приниматься не судьей, а уполномоченным должностным лицом государственного органа (органа исполнительной власти), отвечающего за обеспечение безопасности и надежности общественных отношений, защита и воспроизводство которых отнесены законодателем к его компетенции, в качестве меры пресечения. Данная мера административного принуждения должна быть закреплена в Федеральном законе

от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 18 марта 2019 г.).

4. Вместе с тем следует полностью поддерживать позицию о нецелесообразности сохранения в новом КоАП РФ института административной ответственности юридических лиц [9, с. 38].

Данный вид юридической ответственности противоречит базовому принципу административной ответственности как юридической категории – принципу вины. Назначение административного наказания, в отличие от применения иных форм административного принуждения, основано на обязательном установлении вины лица, совершившего административное правонарушение.

На это не раз обращали внимание наши видные ученые-административисты. «Наличие вины – обязательный признак административного правонарушения, отсутствие вины исключает признание деяния административным правонарушением, в том числе при его формальной противоправности» [2, с. 274]. Разделяя эту позицию, В. Д. Сорокин обращает внимание, что «три вида юридической ответственности – уголовная, административная и дисциплинарная – наступают исключительно за виновные деяния. Именно поэтому они рассчитаны по самой своей сущности только на физических лиц» [11, с. 50].

Закрепление в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ нормы о виновности юридического лица в совершении административного правонарушения не снимает проблемы определения вины юридического лица. Нельзя не согласиться с мнением, что «ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, которая, будучи сама по себе юридически одиозной, усилиями услужливых комментаторов доведена до абсурда» [12, с. 20]. Она является ярким примером бесцеремонного обращения с административной ответственностью.

Установлением административной ответственности юридических лиц (организаций, которые имеют обособленное имущество и отвечают этим имуществом по своим обязательствам), по сути дела, легализована коллективная административная ответственность работников данного юридического лица, несмотря на то что административная ответственность является индивидуальным видом юридической ответственности. Такая позиция основана на «политической це-

лесообразности», уходящей корнями в идеологию «лихих 90-х», а не на базовых юридических принципах административной ответственности и элементарном здравом смысле.

Как справедливо заметил В. Д. Сорокин, «есть смысл напомнить, что в прошлом такая проблема уже возникала и получила совершенно определенное разрешение, действовавшее несколько десятилетий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1961 г. “О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке” было запрещено налагать штрафы на предприятия, учреждения, организации, т. е. применять административную ответственность к названным юридическим лицам. Взыскания подобного рода могли налагаться только на виновных в таких деяниях руководителей данных структур» [11, с. 52].

5. Процессуальный порядок привлечения к административной ответственности, независимо от субъекта, принимающего решение о назначении наказания, и субъекта, привлекаемого к ответственности, должен быть урегулирован в едином нормативном акте и основан не на состязательном, а на следственном типе юрисдикционного правоприменительного процесса.

В настоящее время рассмотрение дел об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции судей арбитражного суда, основано на состязательном (исковом) типе юрисдикционного процесса [6, с. 17, 284], который урегулирован АПК РФ и используется для разрешения споров о праве. Такие дела разрешаются судом при участии в деле двух сторон: истца и ответчика [4, с. 75]. Этот тип юрисдикционного процесса взят за основу административного судопроизводства, урегулированного Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее – КАС РФ).

Рассмотрение дел об административных правонарушениях, отнесенных КоАП РФ к компетенции судей, органов, должностных лиц, базируется на следственном типе юрисдикционного процесса, который урегулирован КоАП РФ и используется для реализации санкции за правонарушение. Он основан на линейной связи «орган – нарушитель». Этот тип юрисдикционного процесса взят также за основу уголовного процесса, урегулированного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в качестве процессуальной формы реализации уголовной

ответственности. В делах об административных правонарушениях, «орган» представлен судьей, органом, должностным лицом контрольно-надзорного органа, рассматривающим дело. Нарушителем является лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Думается, что процессуальной формой реализации административной ответственности как способа охраны правопорядка в публично-правовой сфере и реакции государства на административное правонарушение должен быть только следственный тип юрисдикционного правоприменительного процесса, урегулированный КоАП РФ.

Именно такая позиция закреплена в ч. 5 ст. 1 КАС РФ: «Положения настоящего Кодекса не распространяются на производство по делам об административных правонарушениях». Данная позиция аргументирована в статье П. П. Серкова «К вопросу о современном понимании административного судопроизводства», в который автор пришел к выводу, что «производство по делам об административных правонарушениях представляет собой самодостаточный правовой институт по отношению к административному судопроизводству. Его правовая природа, вытекающая из сфокусированных негативных явлений общественной жизни, а также способ материально-процессуального регулирования по определению не создают правовых предпосылок к тому, чтобы быть частью административного судопроизводства» [8, с. 19]. В конечном счете законодатель счел нецелесообразным использовать состязательный тип юрисдикционного правоприменительного процесса для рассмотрения судьями судов общей юрисдикции дел об административных правонарушениях.

Сложившаяся в настоящее время ситуация, когда за основу рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах взят состязательный тип юрисдикционного правоприменительного процесса, а в судах общей юрисдикции – следственный тип, свидетельствует также о процессуальной мутации института административной ответственности. Не может быть сомнений в том, что нельзя разрушать целостность процессуальной формы

привлечения к административной ответственности, она должна быть основана на следственном типе юрисдикционного правоприменительного процесса и закреплена в одном законодательном акте с учетом особенностей судебного и административного порядка наложения административных наказаний.

Диагноз законодательству об административной ответственности был поставлен вскоре после вступления в силу 1 июля 2002 г. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Прочитав слова В. Д. Сорокина: «Думается, прав профессор Э. Н. Ренов, отметивший, что, “оставаясь административной по форме, административная ответственность становится все менее административной по содержанию”... Иначе говоря, административная ответственность из классического института превращается в некую гибридную субстанцию. Но это опасно, ибо, как известно, гибриды в природе и обществе не имеют будущего» [12, с. 28].

Последующая так называемая модернизация законодательства об административной ответственности подтвердила данный прогноз и укрепила его статус как «гибридного», продолжающего мутировать образования, которое используется в качестве универсального инструмента для решения различных правоохранительных задач (и не только правоохранительных).

Его сегодняшнее состояние свидетельствует о неспособности научного сообщества повлиять на законодателя и представить внятные и согласованные предложения по совершенствованию института административной ответственности, которые основаны на теории административного принуждения, базовых принципах административной ответственности как формы административного принуждения и отечественной теории административного процесса, а не на сиюминутной политической целесообразности.

Хочется надеяться, что представленный в данной статье анализ будет учтен при формировании единой позиции по Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и разработке мер повышения эффективности института административной ответственности.

Список литературы

1. Административное право : учеб. / под общ. ред. А. И. Каплунова. М. : ДГСК МВД России, 2011. 536 с.
2. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Правоведение». М. : ЗЕРЦАЛО : ТЕИС, 1996. 640 с.

3. Каплунов А. И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 5–13.
4. Каплунов А. И., Лебедева О. О. Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения как структурный элемент административного процесса // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 70–76.
5. Каплунов А. И., Резникова А. А. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и тенденции, разрушающие целостность института административной ответственности // Актуальные проблемы административной ответственности : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 27 февр. 2009 г.) / отв. ред. Ю. П. Соловей. Омск : Ом. юрид. ин-т, 2009. С. 17–28.
6. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. 459 с.
7. Резникова А. А. Административное приостановление деятельности как мера административного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 26 с.
8. Серков П. П. К вопросу о современном понимании административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 9–21.
9. Соловей Ю. П. К вопросу о реформе законодательных основ административной ответственности // Законодательство об административных правонарушениях: современное состояние и пути совершенствования : материалы заседания круглого стола (3 марта 2014 г.). Тула : Аквариус, 2014. С. 28–39.
10. Соловей Ю. П. Рецензия на монографию П. П. Серкова «Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы» (М. : Норма : Инфра-М, 2012. 480 с.) // Административное право и процесс. 2013. № 3. С. 72–80.
11. Сорокин В. Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 1999. № 1 (224). С. 46–54.
12. Сорокин В. Д. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правоведение. 2004. № 3 (254). С. 4–28.

References

1. Kaplunov A. I. (Ed.) *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Moscow, Civil Service Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2011. 536 p.
2. Alekhin A. P., Karmolitskii A. A., Kozlov Yu. M. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]. Moscow, Zertsalo Publ., Teis Publ., 1996. 640 p.
3. Kaplunov A. I. O klassifikatsii mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya [On the Classification of Measures of State Constraint]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2006, no. 3, pp. 5–13.
4. Kaplunov A. I., Lebedeva O. O. Proizvodstvo po primeneniyu otdel'nykh prinuditel'nykh mer administrativnogo preduprezhdeniya kak strukturnyi element administrativnogo protsesssa [Proceedings for Application of Certain Administrative Enforcement Measures as a Structural Element of the Administrative Process]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*, 2017, no. 3, pp. 70–76.
5. Kaplunov A. I., Reznikova A. A. Paradoksy Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i tendentsii, razrushayushchie tselostnost' instituta administrativnoi otvetstvennosti [Paradoxes of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and Trends that Destroy the Integrity of the Institution of Administrative Responsibility]. *Aktual'nye problemy administrativnoi otvetstvennosti – Actual Problems of Administrative Responsibility*. Omsk, Omsk Law Institute Publ., 2009, pp. 17–28.
6. Pavlushina A. A. *Teoriya yuridicheskogo protsesssa: problemy i perspektivy razvitiya*. Dis. d-ra yurid. nauk [The Theory of the Legal Process: Problems and Development Prospects. Dr. Legal Sci. Dis.]. Samara, 2005. 459 p.
7. Reznikova A. A. *Administrativnoe priostanovlenie deyatel'nosti kak mera administrativnogo prinuzhdeniya*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative Suspension of Activities as a Measure of Administrative Coercion. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Chelyabinsk, 2009. 26 p.
8. Serkov P. P. K voprosu o sovremennom ponimanii administrativnogo sudoproizvodstva [To a question about modern conception of administrative legal proceedings]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*, 2013, no. 9, pp. 9–21.
9. Solovey Yu. P. K voprosu o reforme zakonodatel'nykh osnov administrativnoi otvetstvennosti [On the Issue of Reform of the Legislative Basis of Administrative Responsibility]. *Zakonodatel'stvo ob administrativnykh pravonarusheniyakh: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya – Legislation on Administrative Violations: the Current State and Ways of Improvement*. Tula, Akvarius Publ., 2014, pp. 28–39.
10. Solovey Yu. P. Retsenziya na monografiyu P. P. Serkova «Administrativnaya otvetstvennost' v rossiiskom prave: sovremennoe osmyslenie i novye podkhody» (M. : Norma : Infra-M, 2012. 480 s.) [Review of P. P. Serkov's Monograph "Administrative Responsibility in Russian Law: Contemporary Comprehension and New Approaches" (Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012. 480 p.)]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*, 2013, no. 3, pp. 72–80.
11. Sorokin V. D. O dvukh tendentsiyakh, razrushayushchikh tselostnost' instituta administrativnoi otvetstvennosti [The Two Trends Jeopardizing the Integrity of the Administrative Responsibility]. *Pravovedenie*, 1999, no. 1 (224), pp. 46–54.
12. Sorokin V. D. Paradoksy Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Paradoxes of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation]. *Pravovedenie*, 2004, no. 3 (254), pp. 4–28.